

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЖУРНАЛ КРИТИКИ ДЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ОРГАН ЦК ВЛКСМ

2

ФЕВРАЛЬ

1936

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Трибуна Работника Детской Книги

А. Роскин

О работе над „детским Чеховым“

«То, что у меня, повидимому, подходит для детей, — две сказки из собачьей жизни... А больше у меня, кажется, нет ничего в этом роде. Писать для детей вообще не умею, пишу для них раз в десять лет...»

Так писал Чехов профессору Г. И. Россолимо. Строки эти, казалось бы, обрекают на неудачу попытки дать «детского Чехова». «Каштанка» и «Белолобый» не могут составить одномомника.

Но тот же Чехов писал:

«Андерсен, «Фрегат Паллада», Гоголь читаются охотно детьми, взрослыми также. Надо не писать для детей, а уметь выбирать из того,

что уже написано для взрослых, т. е. из настоящих художественных произведений; уметь выбирать лекарство и дозировать его — это целесообразнее и прямее, чем стараться выдумать для больного какое-то особенное лекарство, только потому, что он ребенок».

Уметь выбирать — одна из основных задач, стоящих перед составителем любого собрания сочинений. Но когда собрание это предназначается для детей — задача становится во много раз сложнее.

Дать только то, что самим Чеховым предназначалось для детей, ограничиться лишь тем, что создавалось Чеховым «раз в десять лет», — значит предложить детям грубо усеченного, а стало быть, в известной мере и искаженного Чехова.

С другой стороны, если включать в детский одномомник все самое значительное, что есть в творчестве Чехова, не считаясь со степенью доступности тех или иных произведений для детского читателя, если давать «Палату № 6», «Скучную историю» и «Даму с собачкой», то это явится лишь простым дублированием работы «взрослых» издательств.

Я сомневаюсь в возможности установления точных общих принципов отбора произведений классиков для детского читателя. Здесь необходимо гибкое искусство «дозирования», умение сочетать литературоведческий подход с педагогическим, живое ощущение писателя с учетом особенностей психики детского читателя наших дней.

Я поставил перед собой задачу представить творчество Чехова во всем его жанровом разнообразии и художественной глубине — и в то же время исключительно в тех образах, которые доступны пониманию детского читателя. В одномомнике оказались включенными юмористический рассказ и лирическая новелла, журнальная «мелочь» и насыщенная социальным содержанием большая повесть, строки из записных книжек и пьеса, письмо и шуточное стихотворение, литературная пародия и бытовая очерк. Я стремился вырвать Чехова из той «обоймы» одних и тех же произведений, которыми неизменно ограничивались ранее редакторы чеховских изданий. Перед детским читателем Чехов предстает не только автором «Тоски», «Мужиков» и «Вишневого сада», но и непревзойденным мастером эпистолярной формы, метким па-

А. Чехов.

юмористом, изобретательным журналистом и даже юмористом-стихотворцем.

Стремлением представить Чехова во всем его творческом разнообразии и объясняется появление в однотомнике такой, например, «неклассической» вещи, как «Летающие облака». Однако из этого не следует, что в работе над Чеховым я руководился прежде всего чисто академическим принципом «полноты».

Чехов дан в художественно полноценных образах — за очень немногими исключениями. Таким, например, исключением является «Шуточка». Излюбленный эстрадными чтецами рассказ этот с точки зрения художественных достоинств, быть может, и не заслуживает включения в сравнительно тесные рамки однотомника, где редактору приходится дорожить буквально каждой страницей. Однако представлялось существенным дать образец ранней лирической новеллы Чехова, появляющейся на фоне юмористического творчества и напоминающей читателю о будущем авторе «Дома с мезонином». Это — необходимая нота в том сложном контрапункте, каким является творчество Чехова.

В некоторых изданиях избранных произведений Чехова за последнее время можно заметить тенденцию «специализировать» чеховское творчество, выделить те или иные писательские линии. Так, например, Чехов в «Дешевой библиотеке» Гослитиздата представлен почти исключительно как автор рассказов из крестьянской жизни.

Составители этого «Избранного Чехова» руководились, видимо, следующим соображением: «Дешевая библиотека» предназначена для широких читательских масс, в том числе и колхозных; значит — надо дать «народного» Чехова. И читатель, впервые, может быть, приобщающийся к Чехову, получает о нем такое представление: Чехов — бытописатель крестьянства.

В других изданиях подчеркивается щедринская линия в чеховском творчестве — и почти отбрасывается жанр лирической и психологической новеллы.

Ложность подобного подхода к популяризации чеховского творчества очевидна. Конечно, чисто стилистическая струя придает ряду произведений Чехова величайшую ценность. И можно только пожалеть, что советское литературоведение, столь много сделавшее в области изучения Чехова, до сих пор не затронуло такую существенную главу творческой биографии писателя, как «Чехов и Щедрин». Но представлять Чехова в избранных произведениях почти исключительно по той щедринской линии, отсекая чеховскую лирику, чеховский пейзаж, чеховский психологический рисунок — это значит не только недостоимо обеднять Чехова, но возрождать худшие, давно осужденные наркомпросовские традиции в подходе к изучению классиков. Ибо стигра Чехова живет не только в «Хамелеоне» и «Столбом и тонком» — она с еще большей силой пульсирует в таких вещах, как «Моныч» или «Душечка», придает внутреннюю жизнь и выразительность этим облаченным в нежную словесную ткань произведениям.

А. Чехов.

С портрета работы Н. П. Чехова.

Отказ от «специализированного Чехова» — такова была точка зрения, во многом определившая характер настоящего издания. «Чеховский контрапункт» должен быть донесен и до детского читателя.

Разумеется, пришлось с сожалением отказаться от некоторых произведений, без которых немалым избранный «взрослый» Чехов. Нет, например, в однотомнике «Палаты № 6» — одного из центральных произведений Чехова. Но эти пробы, мне думается, до известной степени возмещаются всем многообразием представленных в однотомнике вещей.

При работе над «аппаратурой» издания возникла проблема комментария в детской книге. Совершенно очевидно, что обычный, академический тип комментария не мог быть взят за образец — как по содержанию, так и по форме.

Основной задачей было вернуть комментарию простую человеческую речь, освободить его от шелухи терминологии и суесть всякого рода формальных указаний. Комментарий надо было превратить в новый литературный жанр — короткий критический рассказ.

На этом пути выростала опасность дешевой беллетризации историко-литературного материала.

Старая Москва в рисунках Н. П. Чехова. «Семейный сад».

(Из журнала «Свет и тени». (Фотоиллюстрация к «Избранным произведениям» А. П. Чехова.)

Писать «рассказы к рассказам» было бы грубой ошибкой. Здесь требуется соблюдать величайший такт — избегать всяких следов назойливости и ложных эффектов. Олитературивание комментария должно выражаться часто в едва приметных сдвигах тона, в затусованных элементах композиции. Комментарий должен быть стать литературой, но оставаться комментарием.

В противоположность распространенной традиции комментарии помещены не в конце книги, а сопровождают каждое произведение. Думается, что если во «взрослом» издании такое расположение материала часто весьма желательно, то в детском издании оно совершенно обязательно. Правда, это весьма осложняет работу комментатора, ибо он должен стилистически привести комментарий в какую-то, подчас трудно определимую, гармонию с авторским текстом. Иначе вся книга превратится в нестерпимую чересполосицу. Но в результате комментарий превращается из «приложения» в органическую часть книги.

Во вступительном очерке мне хотелось донести образ Чехова с помощью часто, быть может, внешних, но характерных для Чехова-человека деталей. Я решил не бояться «молочей», несущих в себе частицы живой теплоты, ибо не всегда биофизм и фактография — синонимы.

Большое значение имела для моей работы над настоящей книгой поездка на родину Чехова — в Таганрог. Здесь, на месте, уясняешь себе не только многое в Антоше Чехонте, но и в Антоне Павловиче Чехове.

Огромное значение я придавал вопросам иллюстрирования однотомника. Не будучи специалистом в вопросах книжной графики, я все же берусь утверждать, что подавляющее большинство попыток иллюстрирования Чехова представляет собой явную неудачу. Сошлюсь хотя

бы на изданный несколько лет назад ГИХЛ чеховский однотомник, проиллюстрированный таким выдающимся художником, как Конашевич.

Демонстрирующие высокое техническое мастерство рисунки Конашевича находятся часто в тяжелом, неустрашимом противоречии со всем внутренним строем чеховских произведений. Перспектива отдачи Чехова на «срочное иллюстрирование» положила ужасала меня, ибо во всей истории русской живописи я знаю имя одного лишь художника, который мог бы быть достойным иллюстратором Чехова, и это имя — Серов.

К счастью, собранный документальный материал, в значительной части

до сих пор не опубликовывавшийся, оказался способным иллюстрировать не только «аппаратуру» издания, но и самое творчество Чехова. Оказалось, что и документальные иллюстрации, обдуманно размещенные, подчиненные всей композиции книги, могут загорить с новой силой.

Художественная иллюстрация дана лишь в немногих лучших образцах: Ретин (малоизвестный рисунок к «Мужикам»), Кардовский, Делла-Воссе, Пластов, один рисунок Конашевича. Здесь же должно быть упомянуто имя брата писателя, Николая Чехова — одного из замечательных русских карикатуристов и даровитейшего рисовальщика. К сожалению, часто технические условия не позволили более широко использовать чудесные рисунки Николая Чехова, необычайно выразительно и остро раскрывающие атмосферу 80-х годов — эпоху, когда формировалась и крепло творчество А. Чехова. Вообще, карикатура в юмористических журналах 80-х годов дает незаменимый материал для ассоциативного иллюстрирования Чехова. Неслучайно, когда в Художественном театре ставили чеховского «Иванова», Немирович-Данченко в поисках деталей, характеризующих внешний облик эпохи, обратился к старым юмористическим журналам...

Кроме карикатур Николая Чехова, даны рисунки Михаила Чехова и картина Марии Чеховой. Представлялось весьма заманчивым проиллюстрировать биографию и творчество писателя с помощью ближайших спутников жизни Антона Павловича. Поставленные рядом с фотодокументами, эти «семейные» рисунки вносили ту интимную струю, которая придает лишь большую выразительность историческому фону. А к этому сочетанию интимности с историзмом и стремился я во всей своей работе над книгой.